

Геннадий Ковалев

Откуда же появился русский мат?

Мат сильно распространен в русском народе. Причем в простом народе, особенно деревенском, он не почитался за сквернословие. Были теории, что русский человек-де богобоязнен, а матерщина навязана, дескать, тюрками-иноверцами. Поэт И. Шкляревский в своей поэтической были *Пир* осторожно спрашивает читателя:

А бранились теперешним матом
или с кислою вонью Орда
занесла его к нам в города?

Однако анализ аналогичной лексики в современных славянских языках говорит о всеобщем славянском характере мата. Например, словарь сербской бранной фразеологии, подготовленный Неделько Богдановичем, показывает, что не только лексика, но и модели обценных выражений в сербском и русском очень близки, сравните: «У уста те жебем, Жебем те у дупу, Мајку ти жебем»¹.

То же можно сказать и о моделях бранной лексики словацкого языка: «jebač koho i i bezpred; jebač koho, čo»², или польского: «jebać (kogo), kopulować»³. Кстати, о польском мате Е. Липняцкая высказалась так:

В Польше есть специалисты, способные крыть матом не повторяясь в течение получаса, но эта способность связана скорее с профессией, нежели с национальностью, и тут лидируют военные, водопроводчики и врачи. Правда, если поляк хочет выругаться по-настоящему, он использует русский мат⁴.

Во многом распространению мата способствовало не только отсутствие должного уровня культуры пользования им, но и официальный на него запрет. Запретный плод сладок, особенно для людей, которые только что входят в общественную жизнь. Подросток, употребляя бранную лексику, как бы

¹ Н. Богдановић, *И ја теби. Избор из псовачке фразеологије*, «Просвета», Ниш 1998, с. 18–19, 24.

² В. Hochel, *Slovník slovenského slangu*, Hevi, Bratislava 1993, с. 91.

³ U. Tuftanka, *Zakazane wyrazy. Słownik sprośności i wulgaryzmów*, Wydawnictwo O, Warszawa 1993, с. 37.

⁴ Е. Липняцкая, *Эти странные поляки*, «Эгмонт Россия Лтд», Москва 2001, с. 68.

приобщается к кругу «взрослых» людей, которым «по закону» разрешается выражаться намного свободней, нежели несовершеннолетним. Вместе с тем мощный семантический потенциал неприличных слов, свободное их варьирование, прекрасная словообразовательная разработанность позволяют некоторым людям, вообще не выходя из рамок мата, выразить всё, что они пожелают. На помощь приходят мимика, жест, интонация, а также характерный ситуативный контекст. Например: «Ну, *chu'li* ты? – Да ни *chuja'*! – А *chu'li* делать-то будем? – Да *chuj* с ним! – Ни *chuja'* себе! Это ж *pizde'c* полный! – Ни *chuja'*, проврёмся!» (из разговора двух новых русских о сорвавшейся торговой сделке). Интересен случай, имевший место с известным лингвистом А.А. Зализняком. Приведем эту историю со слов А.К. Жолковского. А.А. Зализняк разворачивался перед гуманитарным корпусом МГУ на своем «Москвиче». В это время на него чуть не наехал самосвал, шофер которого высунулся из кабины и заорал матом. А.А. Зализняк так передал фразу, сказанную шофером:

При дамах я не могу буквально повторить то, что он сказал. Поэтому я переведу его реплику на семантический язык или лучше на куртуазный язык «Тысячи и одной ночи»: «О, неосторожный незнакомец! Пожалуй, следовало бы наказать тебя ударом по лицу...» [...] При этом, – продолжал Андрей, – все богатство значений, заданных элементами «неосторожный», «наказать», «удар» и «лицо», было передано с помощью ровно трех полнозначных слов, образованных от одного и того корня. Задача имеет одно решение, – торжественно закончил он⁵.

Как видим, шофёр, человек простой, обошёлся всего лишь одной корневой парадигмой великого и могучего русского языка, но сколько экспрессии это позволило ему выразить! И всё было понятно участникам «разговора».

Я занялся историей мата совершенно случайно. В 1981 году, просматривая немецкие книги в самом крупном книжном магазине Варшавы (мне срочно потребовалась *Грамматика* М.В. Ломоносова, изданная факсимильно в Лейпциге), я неожиданно раскрыл брошюрку, изданную в ГДР, но на серболужицком языке. Называлась она на русский слух очень неприлично: «*Objebany skurjenc*». Поскольку я интересовался славянскими языками, мне не стоило большого труда прочитать эту детскую книжечку, как оказалось, это были сказки, а название на русский переводилось: «Обманутый скупец». Меня потрясло, как это древнее слово сохранило старое, почти первичное значение? Хотя и русский «неприличный» глагол тоже удерживает эту семантику. Я стал просматривать славянские словари и практически во всех находил его, но уже с «неприличным» значением.

Откуда же взялся русский мат? Кто к нам его занёс? А никто нам его никогда не приносил. Это наше родное, тщательно скрываемое детище. При этом практически отсутствуют отечественные «официальные» словари, в которых бы матерщина получало соседство с иными словарными статьями. Упоминание о некоторых словах такого типа есть лишь в словаре В.И. Даля,

⁵ А. Жолковский, *Мемуарные виньетки и другие non-fictions*, Изд-во «Журнал Звезда», Санкт-Петербург 2000, с. 64.

да и то, только в редакции Бодуэна де Куртенэ⁶, да ещё в таком специальном лексиконе, как *Этимологический словарь славянских языков*⁷. Упоминание этих двух словарей уже говорит о многом: данная лексика древняя, чисто славянская и глубоко народная. Жизнь неприличных слов напоминает историю человеческого общества: человек рождается голым и нисколько этим не смущается, а если позволяет климат, то и всю жизнь ничем себя не прикрывает. В тех же местах, где человеку необходимо от непогоды защищаться одеждой, выдумали, что голый – это весьма и весьма неприлично. А.А. Ахматова, отметив, что греки своих богов изображали нагими, гневно заявила: «Считать наготу непристойной – вот это и есть похабство»⁸. Та же ситуация с одеждой была потом повторена у славянских народов и закреплена в славянских языках в самой судьбе слов, обозначающих гениталии и процесс порождения потомства.

Общеславянский глагол **jebati/jebti* мог иметь два значения: 1) 'бить, ударять' и 2) 'обманывать'. Значения эти только на первый взгляд кажутся совершенно разными. На самом же деле связь между ними самая прямая: могу *стукнуть*, могу и *обмануть*. В первом случае будет больно, во втором – обидно. Интересно, что в русском языке эта семантика сохранилась, ср.: *jebanut'* – 'ударить, стукнуть'; *objebat'* – 'обмануть'. Указанные значения проявляются практически во всех славянских языках, однако вполне legitimately они присутствует (и активно функционируют) лишь в лужицких языках. Не будем брать обычные словари (скажем, авторства Арношта Муки, который сродни словарю В.И. Даля в Бодуэновой редакции), возьмём «официальный» орфографический словарь верхнелужицкого языка, там обнаружится следующее: *jebačny* – 'обманной', *jebak* – 'обманщик', *jebanje/jebanstwo* – 'обман, мошенничество', *jebać* – 'обманывать'⁹. Видимо, и подлинная фамилия чешского поэта-символиста Вацлава *Ебавого* (псевдоним – Оттокар Бржезина, 1863–1929) связана с этим же корнем и с тем же значением.

Интересно, что в словаре верхнелужицкого языка, составленном в 1693–1696 гг. Абрахамом Френцлем, корень глагола *jeb-* обозначен как совершенно невинный – со значением 'обманывать, вводить в заблуждение'. Здесь приводится также семантика, которая впоследствии, возможно, привела этот корень к числу «неприличных»: не только 'обманывающий' – *fraudo, fallo*, но и сам 'заблуждающийся' – *erro*, т.е. 'находящий ошибочный приют'¹⁰. Однако эту семантику применительно к данному слову восточнославянские языки полностью табуировали вследствие перехода лексики, выражающей эти значения, в разряд инвективной. «Похабное» значение глагол **jebati/jebti* мог

⁶ В.И. Даль, *Толковый словарь живого великорусского языка*, т. 4, Издание т-ва М.О. Волф, Санкт-Петербург–Москва 1909, с. 1244.

⁷ *Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд*, вып. 8, «Наука», Москва 1981, с. 114.

⁸ Л.К. Чуковская, *Записки об Анне Ахматовой*, т. 2, «Согласие», Москва 1997, с. 137.

⁹ P. Völkel, *Prawopisny słownik hornjoserbskeje řeče*, Ludowe nakładnistwo Domowina, Budyšin 1981, с. 145.

¹⁰ *Słownik górnołużycki Abrahama Frencla (1693–1696)*, oprac. S. Stachowski, Zakład Narodowy im. Ossolińskich, Wrocław etc. 1978, s. 144.

приобрести уже в общеславянскую эпоху, доказательством чему служит его наличие в целом ряде славянских языков (болгарский, польский, сербский, чешский, все восточнославянские). Семантика эта в современном русском вербализовалась в значительной степени под воздействием кинопереводов, в которых известный английский глагол передавался словом *трахать(ся)*.

Именно в значении, ставшем потом «неприличным» (и, видимо, довольно давно) глагол **jebati/jebti* вошел во фразеологизм *job tvoju mat*¹¹. Выражение это можно отнести к очень древнему периоду: конец эры матриархата и складывание патриархата. И значение его уже в ту пору было отнюдь не похабным, а скорее имущественным. Обладающий матерью рода становился хозяином рода. Поэтому древнее значение выражения *job tvoju mat* необходимо было понимать как: 'я теперь – ваш отец' или 'я теперь – хозяин всех вас и всего, что вам принадлежит'. Кстати, несколько иную, но близкую трактовку данной ситуации давал и Д.К. Зеленин:

Так называемая матерная русская брань равносильна, собственно, бранным выражениям: молокосос, щенок и т.п., подчеркивающим юность и неопытность объекта брани. Ругающийся выставляет здесь себя как бы отцом того, кого он бранит, неприличная формула матерной ругани означает собственно: я твой отец! точнее: я мог быть твоим отцом!¹².

Мы не имеем прямых доказательств этому в ранних письменных источниках, но позднейшие исторические факты красноречиво это предположение подтверждают. Так, великий князь Владимир (святитель Руси) начал править в Киеве после убийства родного брата Ярополка, женившись на его невесте – Рогнеде и взяв в наложницы его жену гречанку (грекыню) Анну, уже беременную и затем родившую ему сына убиенного Ярополка – Святополка. Князь Мстислав (сын Владимира Мономаха), убив касожского (адыгского) князя Редеду, в жены взял себе жену убитого, притом – и это очень важно – уже имевшую от Редеди двух сыновей. Мстислав назвал пасынков Юрием и Романом, а позднее выдал за последнего свою дочь.

Характерен и пример взаимоотношений княгини Ольги с древлянами. Как известно, её муж, князь Игорь, был убит древлянами из-за непомерной жадности при сборе налога с древлян. Ольга трижды жестоко отомстила древлянам. Несмотря на это древляне предпринимали попытки примирения, в частности, засылали сватов к Ольге, чтобы она вышла замуж за их князя Мала: «Реша же Деревляне: Се князя оубихомъ, поимем жену его Вольгу за князь свой Малъ. ... И послаша Деревляне лучшие мужи, числом 20, в лодье къ Ользе»¹³. А делали

¹¹ Кстати, это любимое выражение нобелевского лауреата И. Бродского: только в одной книге С. Волкова знаменитый поэт употребил это выражение около десяти раз. Правда, книга была сделана на основе магнитофонной записи разговора двух мужчин, но вышла на очень широкую публику (С. Волков, *Диалоги с Иосифом Бродским*, Изд-во «Независимая газета», Москва 1998).

¹² Д.К. Зеленин, *Табу слов у народов восточной Европы и северной Азии*, «Сборник Музея антропологии и этнографии», вып. IX, Изд-во АН СССР, Ленинград 1930, с. 18–19.

¹³ *Полное собрание русских летописей*, т. 1: *Лаврентьевская летопись*, Москва 1962, с. 55.

это для того, чтобы «возобладать над киевлянами, ведь брак с Ольгой легализовал бы право Мала на Киев и киевскую землю»¹⁴.

Проницательный знаток истории славянской лексики Р. Брандт, сопоставив глагол **jebati/jebti* с древнеиндийским *jabh (jábhati-te)*, заметил:

Как переходное значение для чешско-лужицкого слова приходится выставить «ругаться по матерному», предполагая существование матерщины у праславян и отказываясь от объяснения её у русских и у сербов заимствованием у татар и у турок¹⁵.

Наиболее популярным в последнее время оказалось предположение, что ранее выражение *job tvoju mat'* было оскорбительным и вместо предполагаемого «я» агент действия выражался словом «пёс» (*canis*). Об этом говорит Б.А. Успенский, приводя множество примеров, которые все же мало что доказывают¹⁶. В.Ю. Михайлин справедливо полагает, что не в псе дело, а просто мат – это мужской обценный код¹⁷.

Полагаем, что употребление данного выражения с вариантом «пес» в роли субъекта – это уже вторичное переосмысливание анализируемого выражения. Скорее всего, первичным был агент «я». Фраза совершенно не была оскорбительной, хотя и обозначала именно совокупление, однако в подтексте был не секс, не надругательство как таковое, а обладание властью в чужом роду.

То же выражение, но с «псом», будучи позднейшим, имело уже вполне определённую цель: оскорбить весь чужой род, отсюда выражения *сукины дети*, *сукин сын*, польск. *psia krew* (видимо, здесь есть какая-то связь с неоскорбительным восприятием «суки» с capitoлийской «волчицей», которая, по легенде, якобы взрастила Ромула и Рема). Кстати, Собакевич у Н.В. Гоголя в *Мертвых душах* – тоже «сукин сын». Если разложить фамилию *Собакевич* по семантическим элементам, то выясняется, что таковыми являются суть: *собака* ('сука') + *евич* ('сын, потомок') = '*сукин сын*'¹⁸. Это уже в эпоху патриархата, оскорбление таким образом наносилось не столько женщине, сколько мужчине, главе рода, которому наставили рога, видимо, поэтому отсутствует широкое употребление выражения «сукина дочь». Можно вспомнить о весьма показательном замечании М.И. Цветаевой: «Незаконными должны быть только мальчики, вернее – незаконные должны быть только мальчики, „незаконная дочь” – даже не звучит!»¹⁹.

¹⁴ См. В.В. Пузанов, *От праславян к Руси: Становление древнерусского государства*, Изд-во Олега Абышко, Санкт-Петербург 2017, с. 133.

¹⁵ Р. Брандт, *Кое-что о нескольких словах*, «Русский филологический вестник» 1915, № 3/4, с. 355.

¹⁶ Б.А. Успенский, *Избранные труды в 3 т., т. 2: Язык и культура*, «Языки русской культуры», Москва 1996, с. 109–126.

¹⁷ В.Ю. Михайлин, *Русский мат как мужской обценный код: проблема происхождения и эволюции статуса*, «Новое литературное обозрение» 2000, № 43, с. 348.

¹⁸ Г.Ф. Ковалев, *Истоки именника Н.В. Гоголя*, «Русская речь» 2017, № 2, с. 100.

¹⁹ М.И. Цветаева, *Неизданное*, Эллис Лак, Москва 1997, с. 287.

При такой постановке вопроса нельзя не согласиться с, казалось бы, парадоксальным мнением того же Р. Брандта, что:

матерная брань коренится не в презрении к матерям, а в уважении: при первоначальном, сознательном, ея употреблении, несомненно имелось в виду, что человек сильнее, чем личную обиду, почувствует обиду, нанесённую его матери²⁰.

Понятно, что, неся в себе такое значение, глагол **jebati/jebti* постепенно стал переходить в разряд ругательных и потому в дальнейшем неуклонно табуировался – особенно в восточнославянских языках.

Что же касается «неприличных» наименований гениталий, то и они не позаимствованы из тюркских языков, а имеют глубокие общеславянские корни. Название мужского органа, как известно, состоит в русском языке из трёх букв. Это слово является однокоренным со словами *хвост* и *хвоя* из древнего корня **XŪ-* с первичным значением 'отросток, побег'. Вот что на этот счет пишет Е. Подвальная:

Известное же для русского языка слово *хуй*, *хуя* этимологически трактуется как родственное лит. *skuja* 'хвоя'; примечательным является рефлекс этого слова в албанском *hu* 'кол, membrum virile'; здесь мы видим то же семантическое развитие, что и в исп. *sağaj*, возводимом к гр. *χαράκιον*, деминутиву от *χαράξ* 'кол'. Данное русское слово относится, таким образом, к группе слов, объединенных вокруг индоевропейского **skou-* 'быть острым' и согласуется с распространенной семантической моделью²¹.

Первая фиксация этого названия мужского полового органа в русском языке сделана ... немцами, которые просто не могли не включить его в свой разговорник, причем снабдили его праславянским синонимом: «*Chuy. Aber. Kur. Meüster manck den schenkeln*»²². А. Фаловски, исследовавший и опубликовавший самые старые немецко-русские разговорники, отметил, что слово *chuj* «несколько позднее зафиксировано у Т. Fenne²³: *зу гуи – mahns gemechte*»²⁴. О лексеме же *кур* автор вполне справедливо пишет: «Относится несомненно к праславянской эпохе как 'gallus, петух'. Значение 'penis' следует признать вторичным по отношению к 'gallus'»²⁵. Далее с опорой на данные болгарского

²⁰ Р. Брандт, *Кое-что о нескольких словах...*, с. 356.

²¹ Е. Подвальная, *Из проблематики русской обценной лексики*, «Язгулямский сборник» 1996, № 1, с. 78.

²² А. Fałowski, «*Ein Rusch Boeck...*». *Ein Russisch-Deutsches anonymes Wörter- und Gesprächsbuch aus dem XVI. Jahrhundert*, Bausteine zur Slavischen Philologie und Kulturgeschichte. Reihe B: Editionen Neue Folge Band 3 (18), Böhlau Verlag Köln-Weimar-Wien 1994, с. 33.

²³ *Tönnies Fenne's Low German Manual of Spoken Russian, Pskov 1607*, vol. III: *Russian-Low German Glossary*, Royal Danisch Academy of Sciences and Letters, Copenhagen 1985, с. 339.

²⁴ А. Fałowski, «*Ein Rusch Boech...*» *Rosyjsko-niemiecki anonimowy słownik i rozmówki z XVI wieku. Analiza językowa*, Universitas, Kraków 1996, с. 87.

²⁵ Там же.

и других южнославянских языков, польский ученый делает вывод, что «уже праславяне использовали лексему *kur* в сексуальном значении»²⁶.

Название женского полового органа происходит от общеславянского глагола **pi'sati*. После падения редуцированных глухой *s* перед звонким *d* получил озвончение (*z*). Самая старая фиксация отмечена тем же А. Фаловским в том же немецко-русском разговорнике, где тоже сопровождается синонимом: «*pasta*. Aber. *Manda* meisterine manck den benen»²⁷.

Е. Подвальная, правда, приводит несколько иную трактовку происхождения этой лексемы. Со ссылкой на полабское *reizda* – ‘седалище’ (то же в древнепрусском *peisda*) она полагает:

славянское слово обычно трактуется как имеющее индоевропейское происхождение, причем и семантически совершенно отличное от тюрко-монгольского: оно объясняется либо как приставочное образование от **sed-* [**pi-spd-a*], либо как композит от **pes-* ‘membrumvirile’ [**pe(i)s-(s)th-*]²⁸.

Однако материалы из болгарских диалектов и народной ономастики все же заставляют считать верной все-таки первую из изложенных трактовок: в болгарской гидронимии основа *pisd(a)* применима к названиям любой расщелина в скале, из которой течёт вода, ср. гидронимы *Пизда*, *Пиздина Вода*, *Пиздица*, *Пиздишка ряка*²⁹. Более обширный список вариантов этого слова в болгарский микрогидронимике дает Й. Заимов: *Пиздина падина*, *Пиздинкьовец*, *Пиздиница*, *Пиздица*, *Българска Пиздица*, *Пиздишки кладенъц*, *Пиздишка чешма*, *Пиздичь бунаръ*, *Пиздичка бара*, *Пиздишки дол*, *Пиздишки кайрак*, *Пиздра*, *Пиздрица*, *Пиздулки*³⁰.

Последние находки новгородских берестяных грамот позволяют с уверенностью сказать: слово *пизда* в XII веке на Руси тоже не было похабным. Сравните текст грамоты № 955: **Маренко пей пизда и с'бкыле**³¹ и то, сколь благонаравно звучит перевод, сделанный крупнейшим знатоком берестяных грамот А.А. Зализняком: «Маренка! Пусть же напьется (набухнет) рождающее лоно!».

Относительно лексемы *tanda* польский исследователь А. Фаловский замечает:

Манда является безо всяких сомнений заимствованием из польск. *męda*, *męda*, ‘зоол. *phithirius pubis* a. *pediculus pubis*, *owad* *rófpokrywy* *wszowaty*’ (*Słownik języka*

²⁶ Там же.

²⁷ А. Fałowski, «*Ein Rusch Boech...*» *Ein Russisch-Deutsches anonymses...*, с. 33.

²⁸ Е. Подвальная, *Из проблематики...*, с. 78.

²⁹ М. Ангелова-Атанасова, *Топонимия на Горнооряховско*, «Бендида», Велико Търново 1996, с. 338.

³⁰ Й. Заимов, *Български водопис. Географско описание, строеж и произход на имената*, т. 2: *К–Р*, «Фабер», Велико Търново 2012, с. 503–504.

³¹ А.А. Зализняк, В.Л. Янин, *Берестяные грамоты из новгородских раскопок 2005 г.*, «Вопросы языкознания» 2006, № 3, с. 8.

polskiego, Warszawa 1902, t. II, s. 933). Этимологически связано прасл. *mądo* 'testiculus; jądro' (Brückner 1927, s. 607)³².

Однако в русском языке кроме этого понятия есть ещё слово, обозначающее вообще половой орган (чаще мужской) – *mude* (ср. приводимое М.М. Пришвиным народное название травы: «Кувшинки еще не цветут, торчат острые резаки [мудорез]») ³³. Правда, и *mude*, и *muda* первично обозначали мошонку (мужские яички), отсюда бранное слово *tudak*, прежде обозначавшее мужчину со слишком большой мошонкой, которая мешала ему в хозяйственных работах. Кстати, фамилия *Мудаковы* была довольно распространена у донских казаков³⁴.

Коснемся еще одной «матерной», очень популярной в разговорном дискурсе формулы, использующей исконно славянские названия гениталий (*пошел на х.. и пошла в п....*). Эти выражения в древнюю эпоху также не воспринимались как ругательства, лишь подчеркивали, что люди, к которым обращались таким образом, совсем ничего не умеют делать и поэтому должны вернуться туда, откуда произошли. Согласно такому пониманию, данное выражение более всего синонимично слову *мудак*. Правда, исходя из таких рассуждений, самым обидным в древности должно было быть выражение: «Иди (пошел) в жопу», потому что этот путь не к возвращению к новой жизни, а в никуда.

И, наконец, о слове, которое в современном русском языке постепенно превращается в междометие (*блядь*), оно сейчас повсеместно заменяется эвфемизмом *блин*. О нем и его происхождении хорошо сказал В.В. Колесов:

Кстати, и известное слово, именуемое распутницу, по происхождению – высокий славянизм, и до XV в. оно имело значение 'лжец, обманщик' (что связано с общим значением корня, того же, что и в слове *зablуждение*)³⁵.

И действительно, в русском языке сохранилось слово *блудить*, первым значением которого было 'зablуждаться, стоять на распутье и не знать истинной дороги', отсюда русск. *блукать*. Второе значение было уже телесным – буквально 'распутничать', отсюда слово *блудница*. Польский язык тоже сохранил первичное значение корня: *błąd* 'ошибка, заблуждение', *błąkać* 'блуждать, бродить без цели', *błądny* 'ошибочный, неверный' и *błądnik* 'лабиринт, ошибочный или непонятный путь'. Говоря о фиксации этого слова в словарях, В.В. Колесов добавляет:

В прямом значении оно употреблялось долго, но во времена бироновщины исчезло из книг как слово непристойное. Академические словари его не включают, но «Словарь русского языка XVIII века» дает его со всеми производными, оговаривая, что после 30-х годов оно стало непечатным³⁶.

³² A. Fałowski, «Ein Rusch Boech...» *Rosyjsko-niemiecki...*, с. 88.

³³ М.М. Пришвин, *Дневники 1928–1929*, «Росток», Москва 2004, с. 76.

³⁴ С.В. Корягин, *Непристойные фамилии у донского казачества*, «Летопись историко-родословного общества в Москве» 1997, № 4–5, с. 18.

³⁵ В.В. Колесов, *Язык города*, «Высшая школа», Москва 1991, с. 77.

³⁶ Там же, с. 78.

Однако в народе это слово живет полнокровной жизнью, используя при этом в двух значениях: 1) 'распутная женщина', 2) просто междометие, лишённое какого-либо смысла, но повторяемое малокультурными людьми чуть ли не через слово. Обращение к первой из семантик проиллюстрируем примером из победной реляции капитана В. Макова о первом водружении красного полотнища над еще не совсем поверженным рейхстагом: «Куда водружать? На фронтоне увидели конную женскую статую. В ее корону знамя и установили. „Воткнули в голову какой-то немецкой б...” – лаконично доложил по радиации капитан»³⁷.

Конечно, мат, безусловно, должен быть исключен из обычной речи в приличном обществе. Однако с учетом того, вся «нехорошая» лексика – исконно родная, славянская³⁸, связанная тысячами нитей с национальным лексическим богатством – негоже лингвистам отворачиваться от неё.

Литература

- Ангелова-Атанасова М., *Топонимия на Горнооряховско: проблеми на устойчивостта на функциониращата топонимична система*, «Бендида», Велико Търново 1996.
- Богдановић Н., *И ја теби. Избор из псовачке фразеологије*, «Просвета», Ниш 1998.
- Брандт Р., *Кое-что о нескольких словах*, «Русский филологический вестник» 1915, № 3–4, с. 349–361.
- Волков С., *Диалоги с Иосифом Бродским*, Изд-во «Независимая газета», Москва 1998.
- Даль В.И., *Толковый словарь живого великорусского языка*, Издание т-ва М.О. Вольф, Санкт-Петербург–Москва 1909, т. 4.
- Жолковский А., *Мемуарные виньетки и другие non-fictions*, Изд-во «Журнал Звезда», Санкт-Петербург 2000.
- Заимов Й., *Български водопис. Географско описание, строеж и произход на имената*, т. 2: К–Р, «Фабер», Велико Търново 2012.
- Зализняк А.А., Янин В.Л., *Берестяные грамоты из новгородских раскопок 2005 г.*, «Вопросы языкознания» 2006, № 3, с. 3–13.
- Зеленин Д.К., *Табу слов у народов восточной Европы и северной Азии*, «Сборник Музея антропологии и этнографии», вып. IX, Изд-во АН СССР, Ленинград 1930, с. 1–166.
- Ковалев Г.Ф., *Истоки именника Н.В. Гоголя*, «Русская речь» 2017, № 2, с. 93–102.
- Колесов В.В., *Язык города*, «Высшая школа», Москва 1991.
- Корягин С.В., *Непристойные фамилии у донского казачества*, «Летопись историко-родословного общества в Москве» 1997, № 4–5, с. 12–21.
- Липняцкая Е., *Эти странные поляки*, Эгмонт Россия Лтд, Москва 2001.

³⁷ С. Осипов, *Егоров и Кантария были не первыми*, «Аргументы и факты» 2003, № 19, с. 6.

³⁸ Впрочем, глубокие генетические корни ненормативной лексики обнаруживаются не только в славянских языках. Интересно, что такие характерные для политической элиты Великобритании слова, как *виги* и *тори* – обозначение сторонников непримиримых партий – когда-то были непристойными ругательными: *whig* – шотландское 'вор скота', впоследствии – либералы, а *tory* – ирландское 'тупицы', впоследствии – 'консерваторы'.

- Михайлин В.Ю., *Русский мат как мужской обсценный код: проблема происхождения и эволюции статуса*, «Новое литературное обозрение» 2000, № 43, с. 347–393.
- Осипов С., *Егоров и Кантария были не первыми*, «Аргументы и факты» 2003, № 19.
- Подвальная Е., *Из проблематики русской обсценной лексики*, «Язгулямский сборник» 1996, № 1, с. 70–81.
- Пришвин М.М., *Дневники 1928–1929*, «Росток», Москва 2004.
- Полное собрание русских летописей*, т. 1: *Лаврентьевская летопись*, Москва 1962.
- Пузанов В.В., *От праславян к Руси: Становление древнерусского государства*, Изд-во Олега Абышко, Санкт-Петербург 2017.
- Успенский Б.А., *Избранные труды в 3 т.*, т. 2, «Языки русской культуры», Москва 1996.
- Цветаева М.И., *Неизданное*, Эллис Лак, Москва 1997.
- Чуковская Л.К., *Записки об Анне Ахматовой*, т. 2, «Согласие», Москва 1997.
- Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд*, вып. 8, «Наука», Москва 1981.
- Brückner A., *Słownik etymologiczny języka polskiego*, Krakowska Spółka Wydawnicza, Kraków 1927.
- Fałowski A., «*Ein Rusch Boeck...*». *Ein Russisch-Deutsches anonymes Wörter- und Gesprächsbuch aus dem XVI. Jahrhundert*, Bausteine zur Slavischen Philologie und Kulturgeschichte. Reihe B: Editionen Neue Folge Band 3 (18), Böhlau Verlag Köln–Weimar–Wien 1994.
- Fałowski A., «*Ein Rusch Boeck...*». *Rosyjsko-niemiecki anonimowy słownik i rozmówki z XVI wieku. Analiza językowa*, Universitas, Kraków 1996.
- Hochel B., *Slovník slovenského slangu*, Hevi, Bratislava 1993.
- Słownik górnołużycki Abrahama Frencla (1693–1696)*, oprac. St. Stachowski, Zakład Narodowy im. Ossolińskich, Wrocław etc., 1978.
- Tönnies *Fenne's Low German Manual of Spoken Russian, Pskov 1607*, vol. III: *Russian-Low German Glossary*, Royal Danish Academy of Sciences and Letters, Copenhagen 1985.
- Tuftanka U., *Zakazane wyrazy. Słownik sprośności i wulgaryzmów*, Wydawnictwo O, Warszawa 1993.
- Völkel P., *Prawopisny słownik hornjoserbskeje řeče*, Ludowe nakładnistwo Domowina, Budyšin 1981.

Откуда же появился русский мат?

Резюме

Большинство людей обычно полагают, что вся ругательная лексика, тем более русский мат, это постыдная грязная часть языка. Распространено мнение, что эта лексика проникла извне – как заимствования. Однако исследования славянских языков показывают, что обсценная лексика является порождением самих славянских языков. Более того, в глубокой древности самые матерные слова – названия гениталий и самого процесса детопроизводства – были сакральными. В статье рассказывается о происхождении самых известных русских матерных слов и выражений.

Ключевые слова: русский мат, ругательная лексика, названия гениталий, табуирование, этимология

So where did the Russian Dirty Language (*Mat*) come from?

Abstract

Most people usually believe that all abusive vocabulary is a filthy, gross component of any national language, especially in Russian. A widely shared opinion is that the Russian dirty vocabulary (*mat*) is an external borrowing. Studies in Slavic languages show however that their obscene vocabulary is a product of their own. Moreover, in ancient times this vocabulary, including descriptions of genitals and the childbearing process, belonged to the sacred lexis tabooed for anyone except adult men. The article provides a detailed description of the etymology of the most common Russian dirty words and expressions.

Key words: dirty Russian, obscene lexis, descriptions of genitals, tabooing, etymology

Ковалев Геннадий Филиппович, профессор, доктор филологических наук

ORCID: 0000-0001-7708-0326

Воронежский государственный университет

Kovalev Gennadiy Filippovitch, Professor, Doctor of Philology

Voronezh State University, The Department of Slavian Philologi, Russia

e-mail: kovalev@phil.vsu.ru